

ВСТУПЛЕНИЕ СССР В ВОЙНУ С ЯПОНИЕЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

А. КОШКИН, доктор исторических наук

Минуло 55 лет со дня окончания второй мировой войны. Она началась 1 сентября 1939 года вторжением гитлеровской Германии в Польшу и закончилась подписанием Акта о капитуляции Японии 2 сентября 1945 года. Число публикаций об этой войне - от газетных сообщений и журнальных статей до пухлых монографий и многотомных трудов отдельных авторов и целых научных коллективов - огромно. Но далеко не все о ней сказано - непомерно объемен и многогранен материал для исследования. И не все, что сказано, - правда. Уж слишком сильно давили на историков и публицистов идеологические и политические пристрастия (особенно в годы "холодной войны"), да и ко многим важным документам исследователи долго не имели доступа. Так что дел у историков по выяснению действительных причин и реального содержания тех или иных эпизодов и событий второй мировой войны впереди много. Одну из попыток российского историка (специализирующегося как раз в этой области) дать документально обоснованную оценку вступлению СССР в войну с Японией и последствий этого шага редакция предлагает своим читателям.

Японской исторической литературе широко бытует версия о "ненужности" участия Советского Союза в войне на Дальнем Востоке в 1945 году. Ее разделяют (и используют) правительство Японии, да и иные из новорусских авторов. В изданной в 1992 году посольством Японии в Москве для распространения среди российского населения брошюре "Северные территории Японии", в частности, утверждается: "9 августа 1945 года, три дня спустя после атомной бомбардировки Хиросимы и в день атомной бомбардировки Нагасаки, Советский Союз, в нарушение Пакта о нейтралитете, вступил в войну против Японии, поражение которой уже не вызывало никаких сомнений"¹. (СССР объявил Японии войну 8 августа, а 9 августа начал военные действия. - А.К.) Нередко можно услышать утверждения, что, вступая в войну, И.В. Сталин спешил воспользоваться поражением Японии, чтобы захватить Южный Сахалин и Курильские острова.

Однако вступление Советского Союза в войну определялось отнюдь не спонтанным, сиюминутным решением, а всем комплексом союзнических отношений между СССР, США и Великобританией, охватывавшим не только проблему войны с Японией, но ход и итоги всей второй мировой войны. Вступление СССР в войну являлось следствием коалиционного характе-

ра войны с обеих сторон и имело прямое отношение к широким планам и договоренностям союзников по антигитлеровской коалиции в отношении послевоенного устройства мира. Без осознания этого факта трудно объективно оценивать события 1945 года, вскрывать подлинные причины решения глав союзных держав об участии СССР в войне против Японии. Вместе с тем, имеет не только исторический интерес объективное представление о том, каковы были мотивы США и Великобритании при решении вопроса о послевоенной принадлежности Южного Сахалина и Курильских островов, как и почему эти мотивы изменялись в ходе "холодной войны".

ОТ ПЁРЛ-ХАРБОРА ДО ЯЛТЫ

8 декабря 1941 года, уже на следующий день после нападения японского флота на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор на Гавайях, президент США Ф.Рузвельт через посла СССР в Вашингтоне М.М. Литвинова выразил советскому правительству пожелание об участии СССР в войне против Японии².

Позиция Сталина в отношении просьбы Рузвельта была сформулирована в телеграмме В.М. Молотова (министр иностранных дел) послу в США Литвинову от 10 декабря 1941 года. В ней послу поручалось

передать Рузвельту следующее: "Мы не считаем возможным объявить в данный момент состояние войны с Японией и вынуждены держаться нейтралитета, пока Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете. Мотивы:

Первое: Советско-японский пакт обязывает нас к нейтралитету, и мы не имеем пока основания не выполнять свое обязательство по этому пакту. Мы не считаем возможным взять на себя инициативу нарушения пакта, ибо мы сами всегда осуждали правительства, нарушающие договоры.

Второе: В настоящий момент, когда мы ведем тяжелую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта. Советский народ и советское общество мнение не поняли бы и не одобрили бы политики объявления войны Японии в настоящий момент, когда враг еще не изгнан с территории СССР, а народное хозяйство СССР переживает максимальное напряжение...

Наша общественность вполне со- знает, что объявление состояния войны с Японией со стороны СССР ослабило бы сопротивление СССР гитлеровским войскам и пошло бы на пользу гитлеровской Германии.

Мы думаем, что главным нашим общим врагом является все же гитлеровская Германия. Ослабление сопротивления СССР германской агрессии привело бы к усилению держав оси в ущерб СССР и всем нашим союзникам”³.

Получив это послание Сталина, Рузвельт 11 декабря во время встречи с советским послом заявил, что он об этом решении сожалеет, но на месте Советского Союза поступил бы так же. Вместе с тем, Рузвельт просил советских руководителей не объявлять публично о решении соблюдать нейтралитет с Японией, создать у японцев впечатление, что вопрос остается как бы не решенным. Это, по мнению Рузвельта, должно было привязать к границам СССР как можно больше японских войск с тем, чтобы они не освободились для действий против Англии и Америки. Он несколько раз повторил эту просьбу.

Анализируя содержание послания советского лидера Рузвельту, можно прийти к выводу, что Сталин понимал важность советской помощи США в войне с Японией, но убедительно разъяснял нецелесообразность вступления СССР в войну “в настоящий момент”. Тем самым он давал понять, что такая помощь станет возможной в случае успешного развития обстановки на советско-германском фронте. При этом важное значение имеет то, что ответ Сталина Рузвельту был дан 10 декабря, то есть спустя лишь четыре полных дня после начала контрнаступления под Москвой, результаты которого были еще не до конца ясны.

Несколько по-иному о возможности вступления СССР в войну против Японии Сталин говорил во время состоявшихся вскоре бесед с прибывшим в Москву министром иностранных дел Великобритании А. Иденом, который от имени своего правительства, как и Рузвельт, прямо поставил вопрос о помощи СССР в войне с Японией.

Из записи беседы И.Сталина с А.Иденом 17 декабря (24 часа 00 минут):

“...Затем тов. Сталин коснулся положения на Дальнем Востоке, высказав при этом мнение, что Япония, конечно, может иметь там некоторые первоначальные успехи, но что в конечном счете через несколько месяцев Япония должна потерпеть крах.

Иден ответил, что слова тов. Сталина сильно поднимают его дух, ибо он привык с большим уважением относиться к его суждениям.

Тов. Сталин тогда спросил Идена:

если его ожидания в отношении Японии действительно оправдаются и если наши войска успешно будут оттеснить немцев на западе, не думает ли Иден, что создадутся условия для открытия второго фронта в Европе, например на Балканах?

Иден ответил, что он готов обсуждать данный вопрос... Затем Иден спросил тов. Сталина, действительно ли он думает, что Япония может крахнуть, скажем, в течение ближайших шести месяцев?

Тов. Stalin ответил, что он действительно так думает, ибо силы японцев очень истощены, и они долго не могут держаться. Если вдбавок японцы вздумают нарушить нейтралитет и атаковать СССР, то конец Японии придет еще скорее.

Иден высказал сомнение в том, что японцы рискнут нас атаковать. Они были бы сумасшедшими, если бы это сделали.

Тов. Stalin, однако, вновь заявил, что такая возможность отнюдь не может считаться исключенной⁴.

Из записи беседы И. Сталина с А. Иденом 20 декабря (19 часов 00 минут):

“...Далее Иден поставил вопрос о Дальнем Востоке. Ввиду серьезности создавшегося там положения он просил тов. Сталина сказать, может ли и когда Англия рассчитывать на известную помощь ей против Японии. Иден понимает, что такая помощь в настоящий момент для нас едва ли мыслима. Но как будет обстоять дело, например, весной?

Тов. Stalin ответил, что, если СССР объявил бы войну Японии, то ему пришлось бы вести настоящую, серьезную войну на суше, на море и в воздухе. Это ведь не то, что декларация войны, которую Японии могла бы объявить Бельгия или Греция. Стало быть, советское правительство должно тщательно учитывать свои возможности и силы. В настоящий момент СССР еще не готов для войны с Японией. Значительное количество наших дальневосточных войск в последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуется еще не меньше четырех месяцев, прежде чем СССР будет надлежащим образом подготовлен в этих районах. Тов. Stalin полагает, что было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР. Это создало бы более благоприятную политическую и психологическую атмосферу в нашей стране. Война оборонного характера была бы более популярна и создала бы монолитное единство в рядах советского народа. Лучшей иллюстрацией то-

му является война СССР против гитлеровской агрессии. Тов. Stalin полагает, что нападение Японии на СССР возможно и даже вероятно, если немцы начнут терпеть поражения на фронте. Тогда Гитлер пустит в ход все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну с СССР.

Иден высказал опасения, что японцы в Восточной Азии смогут применить чисто гитлеровскую тактику - бить врагов поодиночке: сначала покончить с Англией, а потом напасть на Советский Союз.

Тов. Stalin возразил, что Англия не одна воюет против Японии. Вместе с ней воюют Китай, Голландская Индия и США...

Тов. Stalin спросил, что думает Иден о позиции Китая? Собирается ли он действительно воевать?

Иден ответил, что китайское правительство заявляет о своей готовности воевать.

Тов. Stalin, однако, возразил, что китайское правительство сейчас фактически ничего не делает. Затем он прибавил, что был бы готов возобновить разговоры с Англией на тему о дальневосточной ситуации весной. Возможно, конечно, что японцы атакуют СССР раньше, когда позиция сама собой прояснится.

Иден поблагодарил тов. Сталина за его готовность вернуться к дальневосточному вопросу через несколько месяцев...⁵

Как следует из содержания бесед с Иденом, Stalin уже менее категорично, чем в ответе Рузвельту, отвергал возможность подключения СССР к борьбе с Японией. Возможно, это было сделано под влиянием успеха советского контрнаступления под Москвой, которое к 20 декабря уже принесло первые реальные результаты⁶. Однако, нельзя исключать и то, что при этом преследовались весьма важные стратегические цели.

Сразу после начала агрессии Германии против Советского Союза советское руководство заявило о желательности “всемерного усиления действий английской авиации против Германии...”, а также десантов на побережье Франции⁷. После подписания 12 июля 1941 года советско-английского соглашения о совместных действиях в войне против Германии Stalin в послании премьер-министру Великобритании У.Черчиллю поставил вопрос о втором фронте. Речь шла о том, чтобы “был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)⁸. Аналогичные просьбы поступали из Кремля и в последующий осенний период, ког-

да гитлеровские войска рвались к Москве.

Нападение Японии на США и Великобританию заставило теперь уже Вашингтон и Лондон просить СССР об открытии второго фронта на Востоке. Не исключено, что Сталин, обещая вернуться к вопросу о подключении к борьбе против Японии, имел в виду тем самым подтолкнуть правительства западных держав в качестве ответной меры открыть второй фронт против Германии в Европе. Не случайно, в беседе с Иденом Сталин фактически связал перспективу участия СССР в войне с Японией с "открытием второго фронта в Европе, например, на Балканах".

Трудно допустить возможность того, что Сталин в декабре 1941 года действительно всерьез помышлял о том, чтобы весной 1942 года вступить в войну с Японией, тем самым исключив возможность использовать дальневосточные войска на советско-германском фронте, как это и произошло во время критической ситуации во время Сталинградской битвы.

Что же касается утверждения Сталина о сохранении опасности японского вероломного нападения на СССР весной 1942 года, то для этого он имел веские основания. Из сообщений советской разведки он знал, что начало Японией военных действий на юге не означало окончательного отказа от плана нападения на СССР. В директиве императорской ставки (дайхонъэй) № 1048 от 3 декабря 1941 года перед нацеленной на Советский Союз Квантунской армией ставилась задача: "В соответствии со складывающейся обстановкой осуществить усиление подготовки к операциям против России. Быть в готовности начать боевые действия весной 1942 года"⁹.

Неудачное наступление советских войск под Харьковом и начавшаяся затем битва за Кавказ и Сталинград, продолжавшаяся блокада Ленинграда исключали возможность оказания военной помощи союзникам на Дальнем Востоке.

Тем не менее, правительства США и Великобритании продолжали предпринимать дипломатические шаги, направленные на вовлечение СССР в войну с Японией. Так, вскоре после захвата японскими войсками островов Кыска и Атту (Алеутские острова) Рузельт по просьбе Объединенного комитета начальников штабов США вновь поднял этот вопрос в послании Сталину от 17 июня 1942 года¹⁰. Однако, неся основную тяжесть войны

против Германии, СССР не мог одновременно вступить в войну против Японии.

Лишь после победоносного завершения Сталинградской наступательной операции в 1943 году, важную роль в которой сыграли дальневосточные соединения и части, Сталин стал склоняться к рассмотрению вопроса об открытии в будущем второго фронта на Востоке. Понимая эти изменения в позиции Москвы, американцы удвоили свои усилия для того, чтобы "обеспечить советское участие в войне против Японии"¹¹. В подготовленной для переговоров на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19-30 октября 1943 года) инструкции американского Объединенного комитета начальников штабов особо указывалось: "Полное участие России в войне против Японии после разгрома Германии имеет важное значение для более быстрого и сокрушительного разгрома Японии с наименьшими потерями для США и Великобритании"¹².

По инициативе западных держав вопрос об участии СССР в войне на Дальнем Востоке обсуждался в 1943 году на Тегеранской конференции глав правительств трех государств - СССР, США и Великобритании. Во время конференции Сталин впервые счел возможным официально пообещать помочь СССР в войне против Японии, но только после поражения Германии. Хотя до такого развития событий было еще далеко, Сталину было важно дать подобное обещание в расчете на ответные шаги западных стран по ускорению решения вопроса об открытии второго фронта против Германии. Сталин заявил в Тегеране: "Мы, русские, приываем успехи, которые одерживаются и одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей потому, что наши силы заняты на Западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда - общим фронтом против Японии"¹³.

Несмотря на то, что обещание Сталина было сделано в общей форме, и он уклонился от обсуждения конкретных вопросов участия СССР в будущей войне на Дальнем

Востоке, американцы и англичане с энтузиазмом восприняли слова советского лидера. Это проявилось в том, что с учетом советской позиции серьезные корректировки были внесены в военные планы США и Великобритании. В частности, отменялось запланированное ранее широкомасштабное наступление англо-американских войск в Юго-Восточной Азии. Расчет западных союзников основывался на том, что Красная Армия возьмет на свои плечи разгром японских войск на материке, а США и Великобритания будут действовать преимущественно силами военно-морского флота и военной авиации.

Участие СССР в войне на Дальнем Востоке "закладывалось" в стратегические планы американцев и англичан. Так, при определении общего стратегического замысла дальнейшего ведения войны президент США и премьер-министр Великобритании 25 мая 1943 года одобрили доклад объединенного англо-американского штаба, в котором было записано: "После разгрома стран оси в Европе направить все ресурсы США и Великобритании во взаимодействии с другими странами тихоокеанского бассейна и, если будет возможно, с Россией, на достижение в возможно короткий срок безоговорочной капитуляции Японии"¹⁴.

После состоявшейся 6 июня 1944 года давно обещанной - но долгое время откладывавшейся - высадки войск союзников в Европе руководители США и Великобритании активизировали свои усилия по привлечению СССР к военной кампании на Дальнем Востоке. В послании Черчиллю от 30 сентября 1944 года Сталин подтвердил данное обещание, заявив: "Что касается Японии, то наша позиция остается той же, что была в Тегеране"¹⁵.

В тот же день, 30 сентября, в Токио на императорском совещании была утверждена "Основная программа руководства войной", предусматривавшая укрепление обороны оккупированных территорий и метрополии. На этом совещании была названа "последняя линия обороны" - линия от Курильских островов до территории Бирмы. Корея и Китай (с Маньчжурией) рассматривались как стратегический тыл. В Токио считали, что стойкая оборона войск на этой линии могла бы открыть для Японии возможность избежать капитуляции и закончить войну компромиссным миром на основе удержания части оккупированных территорий¹⁶. Для этого были определены основания, ибо англо-американские вой-

ска, одержав ряд побед на Тихом океане, оказались неспособными воспрепятствовать развернувшемуся в 1944 году новому наступлению японской армии в Китае, где оккупированные ранее территории на севере и в центре страны были соединены с Индокитаем, а через Малайю - с Сингапуром.

Вопрос о скорейшем завершении войны с Японией лидеры западных держав намеревались детально обсудить на новой встрече руководителей трех держав, с предложением о проведении которой Рузвельт обратился к Сталину еще 19 июля 1944 года. На следующий день такое же предложение внес и Черчилль.

В связи с выдвижением кандидатуры Рузвельта на новый президентский срок было принято решение провести встречу после выборов в США и официального вступления президента в должность, то есть не раньше начала февраля 1945 года. Местом встречи, получившей кодовое наименование "Аргонавт", была определена Ялта.

На Крымскую (Ялтинскую) конференцию были вынесены такие важные вопросы, как завершение войны против фашистской Германии, послевоенное устройство Европы, учреждение Организации Объединенных Наций. При этом особое значение США и Великобритания придавали обсуждению в Ялте вопроса о полномасштабном участии СССР в войне с Японией. Государственный секретарь США Э. Стеттиниус отмечал, что на Крымской конференции делегация США хотела прежде всего вступления СССР в войну против Японии¹⁷.

Накануне Крымской конференции Объединенный комитет начальников штабов США и Великобритании на совещаниях 30 января - 2 февраля 1945 года на острове Мальта подтвердил запланированную дату окончания войны с Японией - "через 18 месяцев после поражения Германии"¹⁸. Другими словами, завершить войну планировалось не раньше конца 1946 года. Следует отметить, что это был оптимистический прогноз, ибо в 1943 году на Вашингтонской конференции глав США и Великобритании речь шла об окончательном разгроме Японии лишь в 1948 году¹⁹. Руководители США и Великобритании, как и военное командование этих стран, были единодушны в том, что ускорить завершение войны с Японией, сохранив жизни сотен тысяч американских и английских солдат, возможно только при условии объединения военных усилий с мощными сухопутными войсками СССР.

ДОГОВОРЕННОСТИ В КРЫМУ

14 декабря 1944 года посол США в Москве А.Гарриман при встрече со Сталиным заявил, что "президент просил его поставить перед маршалом Сталиным вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку... Сталин говорит, что он готов изложить Гарриману пожелание Советского Союза. СССР хотел бы получить Южный Сахалин, то есть вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова". Одновременно были высказаны и другие пожелания Советского правительства, затрагивавшие интересы СССР в Китае²⁰.

Важно иметь в виду, что стремление восстановить права СССР на Южный Сахалин и Курильские острова возникло не в связи с желанием получить эти территории в виде "трофеев" после победы над Японией.

В годы вооруженной интервенции на территории Советской России Япония захватила и северную часть Сахалина, оккупация которой продолжалась до 1925 года. К моменту заключения 20 января 1925 года Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией фактически не существовало какого-либо действующего двустороннего соглашения, определявшего принадлежность Курильских островов. Как известно, Курильские острова отошли от России к Японии в результате так называемого "обменного договора" 1875 года, по которому японское правительство отказывалось от претензий на Сахалин, получая за это всю Курильскую гряду. Хотя японское правительство не соглашается с тем, что русско-японская война и условия Портсмутского мирного договора об отторжении от России Южного Сахалина отменили результаты территориального размежевания по договору 1875 года²¹, в России (СССР) исходили из обратного. Как отмечал впоследствии Сталин в своем обращении к советскому народу 2 сентября 1945 года, "Япония воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на востоке все выходы в океан"²².

Советское руководство, устанавливая в 1925 году дипломатические отношения СССР с Японией, хотя и подтвердило действенность Портсмутского договора, вместе с тем сде-

жало особую оговорку о том, что "признание действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 года никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение указанного договора"²³. Тем самым было указано, что СССР оставляет за собой право добиваться возвращения Южного Сахалина. Учитывая, что занятие Южного Сахалина было осуществлено в результате развязанной Японии войны и в нарушение "обменного договора" 1875 года, в СССР не отказывались и от исторических прав на ранее принадлежавшие России Курильские острова. Об этом было прямо заявлено министру иностранных дел Японии Ё.Мацуке в апреле 1941 года в ходе переговоров о заключении советско-японского пакта о нейтралитете. Правда, речь тогда шла о выкупе у Японии Южного Сахалина и Курильских островов²⁴.

Как известно, президент Рузвельт согласился с выдвинутым Сталиным условием о том, что после победы над Японией Южный Сахалин и Курильские острова перейдут к СССР. В связи с этим после войны появилась версия о том, что американский президент тем самым "купил" участие СССР в войне с Японией, расплатившись "японскими территориями". В действительности же никакого "торга" между Сталиным и Рузвельтом не проходило.

По одобренному 28 сентября 1944 года Рузвельтом плану будущих операций против Японии СССР отводились следующие задачи: "Прервать транспортную связь между японской метрополией и Азиатским континентом; разгромить японские войска в Маньчжурии и уничтожить их авиационные части и соединения; обеспечить господство в воздухе над Южным Сахалином и Хоккайдо"²⁵.

Выполнение столь масштабных задач требовало от СССР больших засад, чреватых новыми человеческими и материальными потерями, которые и без того были огромны. Сознавая это, лидеры США и Великобритании с пониманием относились к тем политическим условиям, которые выдвигал СССР.

В работах японских историков существуют указания на то, что при подготовке к Ялтинской конференции госдепартамент США разработал для президента справочные материалы, в которых предлагалось передать после войны Южный Сахалин и Курильские острова под международную опеку (a trust area). Од-

нако при этом признается, что президент США не проявил к ним интереса²⁶. Он отмахнулся, заметив, чтобы к нему не приставали с “пустяками”²⁷. Это не вызывает удивления, поскольку Рузвельт и американскому командованию выдвинутые Сталиным условия отнюдь не казались чрезмерными, они принимали их, скорее, как естественные. Хорошо известно заявление Рузвельта о том, что ему “представляется резонным предложение со стороны советского союзника. Русские хотят вернуть то, что у них было отторгнуто”²⁸. Обоснованность решения о восстановлении прав СССР на Южный Сахалин и Курильские острова признавал и Черчилль, который заявил: “Мы будем рады видеть русские суда на Тихом океане и одобряем восполнение потерь, понесенных Россией в русско-японской войне”²⁹.

Рузвельт задолго до Ялтинской конференции считал необходимым удовлетворить все территориальные претензии СССР к Японии. Еще 19 июля 1943 года временный поверенный в делах СССР в США А.А. Громыко сообщал в Москву, что “Гопкинс (ближайший помощник и советник Рузвельта) уверен, что при личной встрече Рузвельт может удивить Сталина, насколько он, Рузвельт, готов далеко пойти в признании наших прав, в частности по территориальному вопросу. Гопкинс заявил, что у Рузвельта есть по территориальному вопросу определенные обдуманные планы, которые он изложил бы при встрече со Сталиным”³⁰.

К началу 1945 года Япония обладала для обороны метрополии, Кореи и оккупированных территорий в Китае значительными людскими силами, насчитывавшими свыше семи миллионов человек, в том числе шесть миллионов в сухопутных войсках и авиации, и имела на вооружении 10 тысяч самолетов и около 500 боевых кораблей. США и Великобритания же держали на Тихом и Индийском океанах и в Юго-Восточной Азии 1,8 миллиона военно-служащих и пять тысяч самолетов³¹. Такое соотношение сил исключало возможность быстрой победы над Японией лишь силами западных держав. Участие СССР в войне являлось для США и Великобритании не просто желательным, а в высшей степени необходимым.

Президент Рузвельт откровенно заявил Сталину в Ялте, что он не хочет высаживать войска в Японии, если можно будет обойтись без этого, и пойдет на такой шаг только в случае крайней необходимости. “На островах у японцев имеется четырех-

миллионная армия, и высадка будет сопряжена с большими потерями. Однако, если подвергнуть Японию сильной бомбардировке, то можно надеяться, что все будет разрушено и, таким образом, можно будет спасти много жизней, не высаживаясь на острова”³², - разъяснил он. При этом американцы не скрывали свою большую заинтересованность в том, чтобы проведение крупномасштабных наземных операций против японских войск, в первую очередь в Маньчжурии, было возложено на вооруженные силы СССР. В этих условиях Рузвельт, похоже, считал недопустимым вступать в дискуссию со Сталиным по поводу столь незначительного в то время для США вопроса о Южном Сахалине и Курильских островах. Стремясь не раздражать советского лидера “мелкими вопросами”, Рузвельт счел целесообразным полностью согласиться с заявленными Сталиным условиями. Как вспоминал А.А. Громыко, утром следующего дня после открытия конференции Сталин получил от Рузвельта письмо, извещавшее о признании правительством США прав Советского Союза на Южный Сахалин и Курильские острова. Ознакомившись с переводом этого письма, Сталин сказал: “Америка заняла хорошую позицию. Это важно и с точки зрения будущих отношений с США”³³.

Заботу о будущем американо-советских отношений проявлял и Рузвельт. За годы войны между ним и Сталиным сложились отношения честного партнерства, о чем в немалой степени свидетельствует обширная переписка и личные контакты в Тегеране и Ялте³⁴. Существует немало указаний на то, что Рузвельт искренне стремился перенести дух сотрудничества с СССР в годы войны и на послевоенный период, считая, что гарантами обеспечения прочного мира в будущем должны стать в первую очередь США и СССР.

В связи с этим сомнительной представляется версия о том, что, соглашаясь на передачу Советскому Союзу Курильских островов, Рузвельт якобы имел тайное намерение тем самым создать большие сложности в советско-японских отношениях в будущем. Как будет показано ниже, подобные замыслы существовали не у Рузвельта, а у традиционно антисоветски настроенных чиновников американского госдепартамента, которые впоследствии стремились осуществить их через сменившего Рузвельта президента Трумэна.

Соглашаясь с тем, что вступление СССР в войну против Японии может

состояться лишь после окончательного разгрома Германии, главы правительства США и Великобритании не скрывали своей заинтересованности в том, чтобы это произошло как можно раньше. Это было связано с серьезными опасениями возможной переброски крупных сил Квантунской армии в метрополию, что значительно усилило бы оборону Японии. Из официальных американских документов следует, что “основная забота американского правительства состояла в том, чтобы добиться скорейшего вступления СССР в войну с Японией с тем, чтобы не допустить передислокации Квантунской армии в метрополию в момент вторжения”³⁵.

Сталин с пониманием отнесся к этим опасениям. Если в Тегеране он дал принципиальное согласие вступить в войну против Японии “через шесть месяцев после завершения войны в Европе”³⁶, то в Ялте, несмотря на большие сложности переброски советских войск на Восток, этот срок был значительно сокращен. Войну с Японией Сталин пообещал начать “через два-три месяца после капитуляции Германии”. Это решение советского лидера было с большим энтузиазмом и облегчением воспринято союзниками.

В исторических работах японских исследователей до сих пор предпринимаются попытки объяснить “уступчивость” Рузвельта в Ялте его слабым здоровьем³⁷. По этому поводу в вышедшей в СССР монографии “Истории второй мировой войны 1939-1945 гг.” отмечалось: “Соглашение по Дальнему Востоку не было результатом усилий одного только Рузвельта и не являлось следствием его политической близорукости или слабого здоровья... В то время президента поддерживали многие политические деятели и высшее командование вооруженных сил США (госсекретарь Стеттиниус, генерал Маршалл и другие). В частности, перед началом конференции (Ялтинской. - А.К.) соображения Рузвельта были одобрены на заседании Объединенного комитета начальников штабов, состоявшемся в январе 1945 года на острове Мальта. Поэтому обвинения “антялтинцев” в том, что Рузвельт совершил “делку за спиной конгресса и нации”, совершенно несостоятельны”³⁸.

К этому следует добавить, что достигнутые в Ялте соглашения по Японии были полностью одобрены премьер-министром Великобритании Черчиллем, который даже в обстановке начавшейся затем “холодной войны” признавал, что согласие советского правительства вступить в

войну "имело величайшее значение" для Англии и США³⁹. Не только Рузвельт, но и Черчилль без каких-либо возражений и сомнений подписал 11 февраля 1945 года соглашение трех держав по вопросам Дальнего Востока, в котором со всей определенностью было записано, что "претензии СССР должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией".

Хотя это соглашение являлось секретным и было опубликовано после войны лишь в 1946 году, в японских средствах массовой информации сразу после окончания работы Ялтинской конференции "высказывались тревожные догадки и предположения о том, что на конференции обсуждался вопрос о совместном ведении войны против Японии тремя державами"⁴⁰.

Официальные японские историографы и по сей день утверждают, что правительство Японии вплоть

до окончания войны ничего не знало о достигнутых в Ялте соглашениях по вопросам Дальнего Востока. Однако существуют указания на то, что японская разведка могла располагать сведениями о договоренностях в Ялте, касавшихся Японии. Едва ли случайным совпадением является то, что 14 февраля 1945 года, через два дня после завершения Крымской конференции, трижды возглавлявший японское правительство влиятельный политический деятель Японии князь Ф. Коноэ спешно представил императору Хирохито секретный доклад, в котором призывал японского монарха "как можно скорее закончить войну". При этом в качестве основного довода в пользу такого решения приводилась "серезная опасность вмешательства в недалеком будущем Советского Союза во внутренние дела Японии". "С точки зрения сохранения национального государственного строя (им-

ператорской системы правления. - А.К.) наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением", - писал Коноэ в докладе императору. Главный смысл доклада сводился к тому, чтобы до вступления в войну СССР успеть капитулировать перед США и Великобританией, "общественное мнение которых еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя"⁴¹. О том, что японское правительство могло знать об условиях, которые выдвинул Сталин в Ялте, свидетельствует перечень уступок, на которые готова была пойти Япония в обмен на сохранение Советским Союзом нейтралитета. Среди них содержалась и уступка Южного Сахалина и северной части Курильских островов⁴².

(Окончание следует)

¹ "Северные территории Японии". Посольство Японии в Москве, 1992, с.8.

² История второй мировой войны 1941-1945 гг. Том 11. Воениздат, 1980, с.30.

³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 - 1945. Документы и материалы в двух томах. Том 1. Издательство политической литературы, Москва, 1984, с.144.

⁴ Из личного архива И.В.Сталина. Цит. по: О.А.Ржешевский. Война и дипломатия. Документы, комментарии 1941 - 1942. Издательство "Наука", Москва, 1997, с.36-37.

⁵ Там же, с.58-59.

⁶ Профессор О.А. Ржешевский отмечает: "Заявление Сталина о готовности через несколько месяцев вернуться к обсуждению вопроса о вступлении СССР в войну с Японией может указывать на завышенные расчеты советского руководства, связанные с успехом развернувшегося контрнаступления Красной Армии в битве под Москвой" (см. Война и дипломатия, с.64).

⁷ Вторая мировая война. Краткая история. Издательство "Наука", Москва, 1984, с.204.

⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. Том 1. Переписка с У.Черчиллем и К.Эттли (июль 1941 г. - ноябрь 1945 г.), МИД СССР, 2-е издание, Политиздат, Москва, 1986, с.19.

⁹ Кантогун (Квантунская армия). Часть 2, Асагумо симбунся, 1974, с.84.

¹⁰ История второй мировой войны 1939-1945 гг. Том 11, с.30.

¹¹ Dean J. The Strange Alliance. The Study of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. New York, 1947, p.47.

¹² Lenson G. The Strange Neutrality. Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941-1945. Tallahassee, 1972, p.259.

¹³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Том II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании. (28 ноября - 1 декабря 1943 г.) Сборник документов. Москва, 1978, с.95.

¹⁴ Говард М. Большая стратегия. Август 1943 - сентябрь 1943 г., Москва, 1980, с.420 (перевод с английского).

¹⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР... Том 1, с.301.

¹⁶ Японский милитаризм. (Военно-историческое исследование). "Наука", Москва, 1972, с.216.

¹⁷ Stettinius E. Roosevelt and The Russians. The Yalta Conference. London, 1955, p.90-91.

¹⁸ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). The Conferences at Malta and Yalta 1945, Washington, 1955, p.476.

¹⁹ Говард М. Указ. соч., с. 382.

²⁰ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 - 1945. Том II, с.272. В беседе с Гарриманом Сталин также напомнил, что в Тегеране президент (Рузвельт) по собственной инициативе поднял вопрос о предоставлении Советскому Союзу выхода к теплым морям на Дальнем Востоке. При этом президент говорил о Порт-Артуре и Дайрене, которыми раньше пользовалась

Россия на правах аренды. Советский Союз хотел бы, заявил Сталин, восстановить пользование на условиях аренды этими портами, а также ведущей к ним через Мукден, Чанчунь, Харбин железной дорогой и Китайско-Восточной железной дорогой, которая сокращает Советскому Союзу путь сообщения с Владивостоком. При этом Китай должен полностью сохранить суверенитет на территориях, по которым проходят эти дороги. Советское правительство также желает, чтобы было полностью сохранено статус-кво Внешней Монголии (МНР).

²¹ "Северные территории Японии", с.7.

²² "Правда", 3 сентября 1945 г.

²³ Документы внешней политики СССР. Том 8. Москва, 1963, с.77.

²⁴ См. "Дипломатический вестник". Издание МИД РФ, № 23 - 24, декабрь 1994 г.

²⁵ Нихон дзёрику сакусэн. Бэйкоцу кимицу бунсё. (Операции по высадке на территорию Японии. Секретные документы США). "Сан-сюсё", Токио, 1985, с. 94 - 95.

²⁶ См. подробнее: Кадзуира Аяси. Ярутा кётэй-о мэгуру бэйкоцу дзёрику. САС бунсё то Рудзувэрто. (Политика США на Ялтинской конференции). Документы Си-Ай-Си и Рузвельт. "Росия кэнкю", Нихон кокусай мондай кэнкюсё, № 25, октябрь 1997, с.102 - 116.

²⁷ См. Курилы. Острова в океане проблем. Изд. Россспэн. Москва, 1998, с.176.

²⁸ Leahy W. I was there: The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman. London, 1950, p.373.

²⁹ Churchill W. The Second World War. Vol. VI. London, 1953, p.341.

³⁰ Советско-американские отношения..., т.1, с.351 - 352.

³¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941 - 1945. Краткая история. Москва, 1965, с.528.

³² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании. Москва, 1984, с.129.

³³ Громыко А.А. "Памятное". Книга первая. Москва. 1988, с.189 - 190.

³⁴ Известно послевоенное высказывание вдовы американского президента Элеоноры Рузвельт о том, что "Сталин нравился Рузвельту". Сталин также симпатизировал Рузвельту как человеку, о чём довольно подробно писал в своих мемуарах А.А. Громыко. (См.: Громыко А.А. "Памятное". Книга первая. Москва. 1988, с.189 - 191, 196 - 197.)

³⁵ United States Relations with China. Reference to the Period 1944 - 1949, Washington, 1949, p.8.

³⁶ Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. Издательство Института международных отношений. Москва, 1961, с.425.

³⁷ "Росия кэнкю", №25, 1997, с.115-116.

³⁸ История второй мировой войны 1939-1945гг. Том 11, с.34.

³⁹ Churchill W. The Second World War. Vol. V. London, 1951, p.378.

⁴⁰ Кутаков Л.Н. Указ. соч., с. 428.

⁴¹ Гаймусёхэн. "Сюсэн сироку 2" (Документы истории окончания войны. Том II). Токио, 1977, с.42-46.

⁴² Кудо Митихиро. Ниссо торицу дзяяку-но кэнкю. (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985, с.219-220.

ВСТУПЛЕНИЕ СССР В ВОЙНУ С ЯПОНИЕЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

А. КОШКИН

Доктор исторических наук

Далеко не все в правительственные кругах США приветствовали возможное участие СССР в войне на Дальнем Востоке. В американских "коридорах власти" были весьма влиятельные лица, которые считали, что в этом случае будет трудно устраниć Советский Союз от решения вопросов послевоенного политического устройства в Восточной Азии. Понимая, что вступление СССР в войну обернется серьезной поддержкой коммунистическим силам Китая и Кореи, они стремились этого не допустить. Например, генерал Макартур писал вскоре после Крымской конференции: "Меня сейчас больше беспокоит вероятность вступления России в войну против Японии и Маньчжурии, а это значит, что наше внимание должна занимать судьба северных и приморских районов Китая"⁴³. Планами США предусматривалось "Не позволять советским войскам войти в боевой контакт с Народно-освободительной армией Китая, помешать объединению сил коммунистов Китая с Красной Армией в Северо-Восточном и Северном Китае"⁴⁴. Однако военные соображения в то время взяли верх над политическими.

Предпринятые США весной 1945 года "ковровые бомбардировки" наносили ущерб не только военной мощи японской империи, сколько мирному населению таких густонаселенных городов, как Токио, Осака и ряд других. Хотя американцы добились господства в воздухе и на море, было очевидно, что одними бомбардировками при-

нудить Японию к скорой капитуляции не удастся. Несмотря на весьма ощутимые потери и сокращение производственной базы страны, японское правительство и командование готовились к затяжным действиям, считая, что в результате упорного "сражения за метрополию" можно будет изменить ход войны в пользу Японии и угрозой больших потерь склонить союзников к почетному для Японии миру. Со своей стороны американское командование исходило из того, что для вторжения на японские острова потребуется семимиллионная армия и потери будут непреимлемо большими⁴⁵.

СТАЛИН И ТРУМЭН

После смерти в апреле 1945 года президента Ф.Д. Рузвельта его место занял Г. Трумэн. Кончина Рузвельта стала невосполнимой потерей для дела сотрудничества СССР и США как в войне, так и в послевоенный период. В Москве это хорошо понимали. В послании Сталина Трумэну от 13 апреля 1945 года говорилось: "От имени Советского Правительства и от себя лично выражаю глубокое соболезнование Правительству Соединенных Штатов Америки по случаю безвременной кончины президента Рузвельта. Американский народ и объединенные нации потеряли в лице Франклина Рузвельта величайшего политика мирового масштаба и глашатая организации мира и безопасности после войны..."⁴⁶. Нет оснований сомневаться, что эти слова выражали искренние чувства Сталина.

Как отмечал А.А. Громыко в своих воспоминаниях, после смерти Рузвельта "брешь в политической жизни США образовалась зияющая. Международные последствия ее оказались огромными. К власти в США пришел Трумэн, бывший

вице-президент. Как политик он до этого светил вроде Луны - отраженным светом. В советско-американских отношениях почти сразу же стали проявляться серьезные натянутости"⁴⁷.

При вступлении в должность Трумэн был проинформирован о секретных работах по созданию атомной бомбы. Перспектива появления у США "супероружия" породила среди новой американской администрации надежду на то, что война может быть завершена в результате атомной бомбардировки. В таком случае Трумэн и его ближайшее окружение предпочли бы обойтись без участия СССР в войне с Японией. Однако уверенности в том, что атомная бомба будет создана в ближайшее время, не было. Поэтому заинтересованность в выполнении Советским Союзом данных в Крыму обязательств сохранялась.

Трумэн исходил из того, что именно "вступление СССР в войну окончательно убедит Японию в неизбежности ее полного разгрома"⁴⁸. Стремясь получить по возможности точную дату вступления Советского Союза в войну, он направил в Москву в качестве своего личного представителя Гопкинса. Такая информация была получена 28 мая 1945 года. Stalin сообщил Гопкинсу и американскому послу Гарриману: "Советская Армия будет полностью развернута на маньчжурских позициях до 8 августа"⁴⁹.

О том, что привлечение СССР к разгрому Японии являлось для США вопросом решенным, убедительно свидетельствуют американские секретные планы оккупационного режима для японской территории. По этим планам страна должна была быть расчленена на четыре оккупационные зоны: американскую, советскую, английскую и китайскую. При этом, советские войска должны были занять обширную

Окончание. Начало см. "Азия и Африка сегодня", 2000, № 11.

Нумерация ссылок по всей статье единая.

территорию японской метрополии, включавшую северный остров Хоккайдо и весь северо-восток основного острова страны Хонсю. Считалось, что расчленение Японии на зоны значительно ослабит бремя организации оккупационного режима и позволит США резко сократить численность предназначенных для этого американских войск. По существовавшим расчетам в случае самостоятельной оккупации США требовалось по меньшей мере 800 тысяч солдат и офицеров или 23 дивизии⁵⁰.

И все же мысль о том, чтобы отстранить СССР от послевоенного урегулирования в Восточной Азии, не давала Трумэну покоя. Когда к лету 1945 года из секретных лабораторий поступили сведения, что создание атомного оружия вступило в завершающую стадию, в американской администрации возобладало стремление скорейшим нанесением атомных ударов по Японии опередить вступление СССР в войну. Трумэн, вопреки желанию Черчилля, сознательно затягивал проведение запланированной встречи лидеров трех держав в Берлине, надеясь к началу Потсдамской (Берлинской) конференции иметь готовую атомную бомбу как инструмент политического давления на СССР в вопросах послевоенного устройства мира. Американское руководство рассчитывало на то, что атомная бомба "поможет сделать Россию говорчивой в Европе". Широко известно высказывание Трумэна по этому поводу: "Если бомба взорвется, что, я думаю, произойдет, у меня, конечно, будет дубина для этих парней"⁵¹.

Однако многое зависело от этого "если". На проходившем 18 июня совещании представителей высшего командования США, несмотря на перспективу создания атомной бомбы, был подтвержден курс на сохранение плана "Даун-фол", предусматривавшего высадку американских войск на территорию собственно Японии. При этом американские генералы продолжали настаивать на обязательном привлечении СССР к ее разгрому. Опыт кровопролитных боев за острова Иводзима и Окинава убеждал их, что японцы будут сопротивляться отчаянно. Военный ми-

нистр США Г.Л. Стимсон в памятной записке Трумэну от 2 июля 1945 года писал: "Начав вторжение, нам придется, по моему мнению, завершать его даже еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию"⁵².

Готовясь к Берлинской конференции, американцы испытывали весьма противоречивые чувства. С одной стороны, уповая на скорое обладание атомной бомбой, они уже гораздо меньше желали участия СССР в войне с Японией, а с другой - по чисто военным соображениям не могли отказаться от помощи Советского Союза, поскольку уверенности в том, что атомная бомба положит конец войне, не было.

В ходе Потсдамской (Берлинской) конференции (17 июля - 2 августа 1945 года), отметив, что дела союзников в войне против Японии не таковы, чтобы требовалась активная помощь Великобритании, президент США прямо заявил, что "США ожидают помощи от СССР". В ответ Сталин сказал, что "Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа и что он сдержит свое слово"⁵³.

Сталин считал необходимым проинформировать союзников о дипломатических маневрах Токио с целью привлечь СССР к посреднической миссии для достижения перемирия Японии с США и Великобританией. Так как американцы по линии своей разведки имели подробную информацию по этому

поводу, Трумэн не стал комментировать это сообщение. Ему было ясно, что Сталин уже принял окончательное решение о вступлении в войну и не пойдет ни на какие переговоры с японским правительством.

Прибыв в Потсдам, Трумэн с нетерпением ждал результатов запланированного к началу конференции испытания атомной бомбы. Краткая телеграмма об успешном взрыве была вручена президенту вечером 16 июля. В ней сообщалось, что результаты испытания "удовлетворительны и даже превзошли ожидания". Через несколько дней, 21 июля, из США поступил подробный письменный отчет об испытательном взрыве близ авиабазы Аламагордо в пустынном районе штата Нью-Мексико⁵⁴.

Встал вопрос о том, в какой форме сообщить о новом оружии Сталину. По согласованию с Черчиллем Трумэн после заседания 24 июля как бы в неофициальном порядке проинформировал главу советской делегации о том, что в США разработано оружие огромной разрушительной силы. При этом слова "атомная бомба" произнесены не были. Вопреки ожиданиям Сталин внешне не проявил интереса к полученной информации и в ходе последующих заседаний к этому вопросу не возвращался. У Черчилля даже сложилось впечатление, что советский лидер "не понял значения" сделанного ему сообщения⁵⁵.

Однако дело обстояло как раз наоборот. Сталин отреагировал таким обескуражившим союзников образом именно потому, что он все прекрасно понял. Советское правительство уже давно располагало данными о том, что в США ведутся работы по созданию атомного оружия, и в качестве ответной меры также вели работы такого рода⁵⁶.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков так рассказывал о реакции Сталина на сообщение Трумэна:

"Вернувшись с заседания, И.В. Сталин в моем присутствии рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном.

В.М. Молотов тут же сказал: "Цену себе набивают".

Сталин рассмеялся: "Пусть набивают. Надо

Японские солдаты на марше в Маньчжурии.

будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы".

Я понял, что речь шла о создании атомной бомбы. Тогда уже было ясно, что правительство США намерено использовать атомное оружие для достижения своих империалистических целей с позиции силы. 6 и 8 августа 1945 года это подтвердилось на практике: американцы без всякой к тому военной необходимости сбросили две атомные бомбы на мирные густонаселенные японские города Нагасаки и Хирошиму⁵⁷. (Здесь небольшая неточность. Атомные бомбы были сброшены на Хирошиму и Нагасаки соответственно 6 и 9 августа 1945 года. - А.К.)

Как видно из этого отрывка, в Потсдаме, в отличие от Ялты, уже начинали дуть ветры "холодной войны".

Стремление правительства США устраниТЬ СССР от участия в победе над Японией стало очевидным из текста опубликованной от имени правительства США, Великобритании и Китая 26 июля 1945 года Потсдамской декларации, в которой содержались условия капитуляции Японии. Декларация требовала от японского правительства немедленно капитулировать и предупреждала, что "иначе Японию ждет быстрый и полный разгром".

Советская делегация в Потсдаме получила в день подписания декларации лишь ее копию - "для сведения". Отвечая на просьбу Молотова несколько повременить с опубликованием декларации, госсекретарь США Дж. Бирнс заявил, что "это желание уже невозможно выполнить". При этом в качестве оправдания занятой западными союзниками позиции он сказал: "Президент не передал этой декларации раньше, так как Советский Союз не находится в состоянии войны с Японией"⁵⁸. На заседании 28 июля Сталин не преминул высказать свое неудовольствие. При оглашении адресованной советскому правительству ноты Японии о посредничестве в переговорах о перемирии он заявил: "Хотя нас не информируют как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, однако мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях"⁵⁹.

В первом пункте Потсдамской декларации, к которой 8 августа 1945 года присоединился и Советский Союз, было заявлено, что "Японии дается возможность окончить эту войну". Однако японское

правительство не пожелало воспользоваться этой возможностью. Занятая позиция затягивала окончание войны, вела народы к новым жертвам и лишениям.

В точном соответствии с обещанием, данным в Крыму, ровно через три месяца после капитуляции Германии правительство СССР 8 августа объявило Японии войну. Существует мнение, что Сталин, вступая в войну, преследовал цель еще до капитуляции Японии оккупировать Южный Сахалин и Курильские острова. Однако при этом почему-то не обращается внимание на то, что для возвращения этих территорий Советскому Союзу не обязательно было вступать в войну. Как указывалось выше, японское правительство было готово само передать СССР Южный Сахалин и Курильские острова, о чем советское правительство имело обширную информацию⁶⁰. Однако в Кремле хорошо понимали, что согласие с предложениями японского правительства вернуть эти территории без войны могло быть расценено как акт предательства, что резко осложнило бы отношения СССР с США и Великобританией. Stalin же считал, что союзнический долг необходимо выполнить, а Япония, капитулировав, в полной мере должна понести наказание за развязанную кровопролитную войну.

Немаловажное значение имело и то, что Stalin не хотел быть отстраненным от послевоенного политического процесса в Восточной Азии, в первую очередь в Китае. Односторонний ввод американских войск на территорию Китая был бы чреват поражением коммунистических сил этой страны и установлением непосредственно у границ СССР недружественного проамериканского режима. Хотя Stalin избегал открытой демонстрации поддержки Компартии Китая в борьбе за власть в стране, в действительности ставка делалась в первую очередь и главным образом на Мао Цзедуна. Поэтому вступление СССР в войну на Дальнем Востоке преследовало не только задачу скорейшего разгрома японских вооруженных сил, но и одновременно было направлено на создание благоприятных для нашей страны военно-стратегических и geopolитических позиций в восточноазиатском регионе.

Что же касается часто упоминающегося в Японии факта "нарушения Советским Союзом пакта о нейтралитете 1941 года", то здесь

важное значение имело то обстоятельство, что в статье второй пакта предусматривалось следующее: "В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет наблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта". Неоспоримым фактом истории является то, что в ходе второй мировой войны Япония оказалась "объектом военных действий" не в результате нападения третьих стран на Японию, а вследствие агрессивных действий самой Японии. В связи с этим видный российский востоковед академик РАН С.Л.Тихвинский прямо указывает: "С декабря 1941 года этот пакт уже не накладывал на Советский Союз никаких обязательств и превращался в пустой лист бумаги, так как Япония сама вероломно напала 7 декабря 1941 года на США и Великобританию, к тому времени ставших союзниками нашей страны по антигитлеровской коалиции"⁶¹. Японское же правительство стало рассматривать этот пакт как "пустой лист бумаги" еще раньше, а именно сразу же после нападения на СССР Германии, ближайшего военного союзника Японии. Об этом свидетельствуют многие опубликованные после 1945 года японские документы о готовности Японии вероломно напасть на СССР в период советско-германской войны в нарушение пакта о нейтралитете.

И еще. Возлагая всю "ответственность" за нарушение пакта о нейтралитете на СССР, японское правительство и официальная историография фактически избегают упреков в адрес США и Великобритании, которые своими требованиями выполнения Советским Союзом союзнического долга во многом предопределили участие СССР в войне против Японии. При этом в документах периода войны ни Рузвельт или Трумэн, ни Черчилль никогда даже не упоминали советско-японский пакт о нейтралитете, считая, что все соглашения предвоенного периода не могут и не должны препятствовать достижению главной цели - победы над гитлеровской коалицией.

После вступления СССР в войну отношения между Сталиным и Трумэном еще больше осложнились. Трумэн, в условиях обладания Соединенными Штатами атомной бомбой, счел возможным отказаться от плана выделения для СССР

зоны оккупации на территории собственно Японии и предоставил всю полноту власти в этой стране американскому генералу Дугласу Макартурю⁶². Более того, в направленном 15 августа Сталину проекте "Общего приказа №1" о капитуляции японских вооруженных сил, Трумэн "забыл" указать, что японские гарнизоны на Курильских островах должны сдаваться советским войскам. Это явилось сигналом того, что Трумэн может нарушить ялинскую договоренность о переходе Курил к СССР.

Сталин ответил сдержанно, но твердо, предложив внести в "Общий приказ №1" следующие поправки:

"1. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все (подчеркнутое нами. - А.К.) Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза.

2. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающего на севере к проливу Лаперуз, находящемуся между Карабуто и Хоккайдо. Демаркационную линию между северной и южной половиной острова Хоккайдо провести по линии, идущей от гор(ода) Кусиро на восточном берегу острова до города Румоз на западном берегу острова, с включением указанных городов в северную половину острова".

Объясняя желательность иметь район оккупации на территории собственно Японии, Сталин указал, что "это... имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919-1921 годах держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории"⁶³. Свои предложения Сталин назвал скромными и выразил надежду, что они не встретят возражений.

Как известно, Трумэн согласился "включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед Главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке". Что касается предложения о занятии советскими войсками северной части Хоккайдо, то оно было отвергнуто Трумэном без каких-либо объяснений. Более того, от имени американского

правительства он выразил желание "располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов, предпочтительного в центральной группе".

Не скрывая своего неудовольствия бесполезным отказом Трумэна на допущение советских войск на Хоккайдо, Stalin в довольно резкой форме отверг требование США о предоставлении баз на Курильских островах, указав, что "требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории"⁶⁴. Тем самым было дано понять, что в соответствии с Ялинским соглашением СССР обладает правом распоряжаться всеми Курильскими островами по собственному усмотрению.

В связи с вышеизложенным трудно согласиться с утверждением японского правительства о том, что советское командование якобы намеревалось оккупировать Курильские острова только вплоть до острова Уруп, а острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи оно оккупировало, лишь "узнав об отсутствии (на них) американских войск"⁶⁵. Как следует из вышеприведенных документов, и Stalin, и Трумэн вели речь о включении в советскую зону оккупации "всех" Курильских островов. Это было с полной определенностью подтверждено в изданном 29 января 1946 года Меморандуме верховного командующего союзными войсками в юго-западной части Тихого океана генерала Макартура японскому императорскому правительству, в котором указывалось, что из-под юрисдикции государственной или административной власти Японии исключаются все находящиеся к северу от Хоккайдо острова, в том числе "группа островов Хабомаи (Хапомандзё), включая острова Сусио, Юри, Акиюри, Сибону и Тараку, а также остров Шикотан"⁶⁶.

СОЗДАНИЕ ПРОБЛЕМЫ "СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ"

До начала 50-х годов в Японии преобладало понимание необоснованности предъявления Советскому Союзу каких-либо территориальных претензий. Пограничное размежевание, хотя оно и не было оформлено в виде советско-японского мирного договора, тем не ме-

нее считалось вопросом разрешенным. С этим фактически соглашалась администрация США.

Однако в силу растущего ухудшения советско-американских отношений и перехода "холодной войны" в открытую фазу в Вашингтоне поставили задачу превратить Японию в дальневосточный бастion в борьбе против своего недавнего союзника - Советского Союза. После образования в 1949 году Китайской Народной Республики государственный секретарь США Д. Ачесон уже в январе 1950 года открыто высказался за то, чтобы "восстановить Японию как один из основных барьеров против коммунизма в Азии"⁶⁷. В известной степени ответом на создание КНДР и КНР было участие США в войне с Кореей, в которой Япония активно использовалась как тыловая база американской армии. В нарушение принятой в 1947 году послевоенной конституции Японии американские власти встали на путь воссоздания японских вооруженных сил. С другой стороны, правительство США изыскивало возможность обойти 12-й пункт Потсдамской декларации о выводе в результате урегулирования с Японией всех иностранных войск с ее территории, чего настойчиво добивался СССР.

Вашингтон стремился заключить с Японией мирный договор на условиях сохранения там американского военного присутствия. США торопились с подписанием подобного договора еще и потому, что в широких слоях японского народа росли антиамериканские настроения, усиливались протесты против сохранения затянувшегося оккупационного режима. Командовавший американскими войсками в Японии генерал Макартур в своих донесениях в Вашингтон особо подчеркивал, что продолжение оккупации "может навсегда поссорить США и Японию"⁶⁸.

Зная о сопротивлении советского правительства вовлечению Японии в военную стратегию США на Дальнем Востоке, в феврале 1950 года руководитель дипломатической секции штаба Макартура, впоследствии заместитель помощника госсекретаря США, У. Себолд высказался за то, что "необходим решительный маневр, а именно заключение сепаратного мира с Японией без участия России"⁶⁹. Эту позицию разделяли в госдепартаменте США. Сепаратный характер планировавшегося договора проявился и в вопросе об участии в

мирной конференции китайской стороны.

Великобритания считала, что на конференцию должна быть приглашена КНР. Американцы же настаивали, чтобы ее место заняли разгромленные в 1949 году и укрывшиеся на Тайване чанкайшисты.

Вопрос об участии КНР в процессе урегулирования с Японией рассматривался Сталиным как ключевой. Об этом свидетельствуют утвержденные ЦК ВКП(б) директивные указания делегации СССР на конференции в Сан-Франциско. В них было записано: "Делегация должна главное свое внимание сосредоточить на вопросе о приглашении КНР к участию в конференции"⁷⁰. Ими также предусматривалосьнести на обсуждение поправки по территориальному вопросу. Советская делегация решительно выступила против того, что США, вопреки подписанным ими международным соглашениям, фактически отказывались признать в договоре суверенитет СССР над территориями Южного Сахалина и Курильских островов. "Проект находится в грубом противоречии с обязательствами в отношении этих территорий, взятыми на себя США и Англией по Ялтинскому соглашению", - заявил глава делегации СССР на Сан-Францисской конференции А.А. Громыко.

В разработанный США текст мирного договора с Японией было включено положение о том, что "Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года". Включая этот пункт в текст договора, Трумэн и его министры отнюдь не стремились "безусловно" выполнить данные СССР обязательства, как об этом говорилось в Ялтинском соглашении. Напротив, есть немало свидетельств того, что США сознательно вели дело к тому, чтобы и в случае подписания СССР Сан-Францисского договора противоречия между Японией и Советским Союзом сохранялись.

Как отмечалось выше, идея использовать заинтересованность СССР в возвращении Южного Сахалина и Курильских островов для привнесения в будущем раздоров между СССР и Японией существовала в государственном департаменте США еще с конца 1944 года,

то есть со времени подготовки к Ялтинской конференции. В подготовленных для Рузельта материалах особо отмечалось, что "уступка Советскому Союзу южнокурильских островов создаст ситуацию, с которой Японии будет трудно примириться... Если эти острова будут превращены в форпост (России. - А.К.), для Японии возникнет постоянная угроза"⁷¹. В отличие от Рузельта администрация Трумэна решила воспользоваться этой ситуацией и оставить вопрос о Южном Сахалине и Курильских островах как "в подвешенном состоянии".

Протестуя против этого, Громыко заявил, что "при решении территориальных вопросов в связи с подготовкой мирного договора не должно быть никаких неясностей"⁷². США же, будучи заинтересованными в недопущении окончательного и всеобъемлющего урегулирования советско-японских отношений, стремились именно к таким "неясностям". Как можно иначе расценить американский курс на то, чтобы, включив в текст договора отказ Японии от Южного Сахалина и Курильских островов, в то же время не допустить признание Японией суверенитета СССР над этими территориями? В результате усилиями США создавалась странная, если не сказать абсурдная, ситуация, когда Япония отказывалась от указанных территорий как бы вообще, без четкого определения, в чью пользу совершается этот отказ. И это происходило тогда, когда Южный Сахалин и все Курильские острова в соответствии с Ялтинским соглашением и другими документами уже были официально включены в состав СССР. Конечно же, не случайно американские составители договора предпочли не перечислять в его тексте поименно все Курильские острова, от которых отказывалась Япония, сознательно оставляя для японского правительства возможность предъявить претензии на их часть, что и произошло в последующий период. Это было настолько очевидно, что правительство Великобритании даже пыталось, хотя и безуспешно, воспрепятствовать столь явному отходу от договоренности "большой тройки" - Рузельта, Сталина и Черчилля в Ялте.

В меморандуме британского посольства государственному департаменту США от 12 марта 1951 года указывалось: "В соответствии с Ливадийским (Ялтинским) соглашением, подписанным 11 февраля

1945 года, Япония должна уступить Советскому Союзу Южный Сахалин и Курильские острова". В американском ответе англичанам было заявлено: "США считают, что точное определение пределов Курильских островов должно стать предметом двустороннего соглашения между японским и советским правительствами или должно быть юридически установлено Международным судом"⁷³.

С согласия и поощрения американцев глава японской делегации С. Ёсида сделал на конференции заявление о том, что южнокурильские острова (Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан) якобы "не входят в Курилы, которые должны быть отданы"⁷⁴. Тем самым создавались предпосылки для развертывания в Японии кампании требований "возвращения северных территорий".

Однако уже во время Сан-Францисской конференции, а также после нее правительство Японии не могло не ощущать серьезную уязвимость избранной японской делегацией позиции. Это со всей очевидностью проявилось при ратификации мирного договора в парламенте Японии. Заведующий договорным департаментом МИД Японии Кумао Нисимура 6 октября 1951 года вынужден был сделать в палате представителей парламента следующее заявление: "Поскольку Японии пришлось отказаться от суверенитета на Курильские острова, она утратила право голоса на окончательное решение вопроса об их принадлежности. Так как Япония по мирному договору согласилась отказаться от суверенитета над этими территориями, данный вопрос, в той мере, в какой он имеет к ней отношение, является разрешенным"⁷⁵.

Еще более определенно позиция японского МИД, а значит правительства, была сформулирована К. Нисимурой 19 октября 1951 года на заседании специального комитета по вопросу ратификации Сан-Францисского мирного договора палаты представителей парламента Японии, когда он заявил: "ТERRITORIALНЫЕ ПРЕДЕЛЫ АРХИПЕЛАГА ТИСИМА (Курильских островов. - А.К.), о которых говорится в договоре, включают в себя как северные Тисима, так и Южные Тисима"⁷⁶. Таким образом, при ратификации японским парламентом Сан-Францисского договора высший законодательный орган японского государства констатировал факт отказа Японии от всей Курильской гряды.

1 июня 1955 года в Лондоне начались советско-японские переговоры о прекращении состояния войны, заключении мирного договора и восстановлении дипломатических и торговых отношений. Вопреки условиям капитуляции и положениям Сан-Францисского мирного договора японское правительство сначала предъявило территориальные претензии на все Курильские острова и южную часть острова Карафуто (Сахалин). Однако вскоре в Токио поняли, что эта попытка коренным образом ревизовать итоги войны обречена на провал и приведет лишь к обострению двусторонних отношений с СССР. Это, в частности, могло сорвать процесс принятия Японии в Организацию Объединенных Наций. Поэтому японское правительство, продолжая оспаривать принадлежность Курильских островов и Южного Сахалина Советскому Союзу, решило для достижения согласия на данном этапе ограничить свои территориальные претензии южной частью Курил, вновь заявив, что она якобы не подпадает под действие Сан-Францисского мирного договора.

Стремясь получить поддержку этой позиции со стороны подписавших Сан-Францисский договор ведущих государств мира, в октябре 1955 года японское правительство обратилось к правительствам США, Великобритании и Франции с официальным запросом, в котором им предлагалось ответить на вопрос: "Существует ли у вас понимание того, что в "Курильские острова", о которых говорится в Сан-Францисском договоре, не включаются острова Кунашир и Итуруп?" Однако поддержку своей позиции Япония получила только от своего нового союзника - США. Великобритания и Франция же в своих официальных ответах по существу отказались поддержать ничем не обоснованный японский вариант толкования Сан-Францисского мирного договора⁷⁷.

Как известно, компромиссные условия удалось выработать только в октябре 1956 года. Советско-японские отношения были нормализованы подписанием Совместной декларации. Актом доброй воли стало решение советского правительства передать Японии расположенные поблизости от Хоккайдо острова. В декларации говорилось: Советский Союз, "идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства,

соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов будет произведена после заключения мирного договора".

Совместная декларация была подписана японским премьер-министром И. Хатоямой фактически вопреки позиции администрации США, которая делала все возможное для того, чтобы полная нормализация советско-японских отношений, включая окончательное определение линии прохождения границы, не состоялась. Оказывая сильное давление на кабинет Хатоямы, США не останавливались перед прямыми угрозами. Госсекретарь США Дж. Даллес в октябре 1955 года в ноте правительству Японии предупреждал, что расширение экономических связей и нормализация отношений с СССР "может стать препятствием для осуществления программы помощи Японии, разрабатываемой

правительством США". Находясь в марте 1956 года в Токио, он "строго-настрого наказал послу США в Японии Аллисону и его помощникам не допустить успешного завершения японо-советских переговоров"⁷⁸.

В конце августа, не скрывая своего намерения сорвать эти переговоры, Даллес пригрозил японцам, что в случае, если по мирному договору с СССР Япония согласится признать советскими Курильские острова, США навечно сохранят за собой остров Окинаву и весь архипелаг Рюкю. Для того, чтобы поощрить японцев продолжать выдвижение неприемлемых для Советского Союза требований, США пошли на прямое нарушение Ялтинских соглашений. В ноте госдепартамента США, направленной японскому правительству в сентябре 1956 года, было заявлено: "Правительство США пришло

к заключению, что острова Итуруп и Кунашир (наряду с островами Хабомаи и Шикотан, которые являются частью Хоккайдо) всегда были частью Японии и должны по справедливости рассматриваться как принадлежащие Японии". Далее в ноте говорилось: "США рассматривали Ялтинское соглашение просто как декларацию об общих целях стран-участниц Ялтинского совещания, а не как имею-

Этапы строительства "Великой Японии". На схеме обозначены годы начала оккупации японской военщиной чужих территорий.

щее законную силу окончательное решение этих держав по территориальным вопросам"⁷⁹. Тем самым американцы создавали необходимую "базу" для выдвижения территориальных претензий к СССР и развертывания движения "за возвращение северных территорий".

В результате подписания СССР и Японией Совместной декларации были созданы условия для заключения ими мирного договора. Японцы "в душе" были готовы на эти условия и даже были удивлены неожиданной уступчивостью предложившего компромисс Н.С. Хрущева. Как признавал впоследствии полномочный представитель прави-

тельства Японии на советско-японских переговорах 1955-1956 годах С. Мацумото, когда он впервые в ходе переговоров услышал предложение советской стороны о готовности передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, то “сначала не поверил своим ушам”, а “в душе очень обрадовался”⁸⁰. И это неудивительно. Ведь, в случае получения островов Хабомаи и Шикотан, японцы на законных основаниях значительно расширили бы свою зону рыболовства, что было для них весьма важно.

Следует отметить, что советское правительство действовало в строгом соответствии с достигнутыми договоренностями. СССР отказался от получения репараций с Японии, согласился досрочно освободить отбывавших наказание японских военных преступников, поддержал просьбу Японии о приеме в ООН. После ратификации Совместной декларации из Москвы в Сахалинскую область были направлены разъяснения по поводу предстоящей, как тогда считалось, передачи островов Хабомаи и Шикотан под японскую юрисдикцию.

Морской порт Нагоя (о-в Хонсю) в годы войны обслуживал в основном нужды японских оккупационных войск.

Одновременно подтверждалась линия на развертывание хозяйственного развития остальных островов Курильской гряды (об этом автору статьи в 1975 году рассказывал тогдашний первый секретарь Сахалинского обкома КПСС П.Л. Леонов).

Однако то, что было выгодно японцам, не устраивало американцев. США открыто воспротивились реализации советско-японских договоренностей и в ультимативной форме потребовали отказаться от заключения советско-японского мирного договора на условиях Совместной декларации. Усилив свое давление, США добились отставки кабинета Хатоямы, на смену которому пришел проамериканский настроенный кабинет Н. Киси. Новое правительство стало уходить от переговоров о заключении мирного договора. В качестве “обоснования” этой позиции вновь были выдвинуты требования вернуть Японии четыре южнокурильских острова. В заявлении МИД Японии появились утверждения, что нормализация японо-советских отношений не кладет конец, а наоборот, якобы предполагает дальнейшие переговоры по территориальному вопросу.

Заключение в 1960 году направленного против СССР и КНР япо-

но-американского “договора безопасности” еще более осложнило разрешение вопроса о линии прохождения границы между Японией и СССР, ибо в сложившейся в условиях “холодной войны” на Дальнем Востоке военно-политической обстановке любые территориальные уступки Японии способствовали бы расширению территории, используемой иностранными войсками. Столкнувшись с нежеланием японского правительства, за спиной которого стояли США, выполнить положения Совместной декларации и расценив подписание японо-американского “договора безопасности” как враждебный акт, советское правительство заявило, что вопрос о территориальном урегулировании с Японией после второй мировой войны уже решен соответствующими международными соглашениями.

Последовавшая история советско-японских переговоров о заключении мирного договора хорошо известна. Японское правительство стремилось “подкрепить” свою позицию в отношении Южных Курильских островов развертыванием кампаний за возвращение “северных территорий”, а правительство СССР отстаивало политическую линию, исходя из того, что “территориального вопроса не существует”.

Анализируя политику Японии в отношении СССР в годы “холодной войны”, профессор Калифорнийского университета (США) Цуёси Хасэгава приходит к следующему выводу: “Изменения, которые наступили в годы холодной войны, произошли не в советско-японских отношениях, они произошли в отношениях США и СССР, когда эти союзники в годы войны стали врагами, а США и Япония, которые были врагами в годы войны, стали союзниками... Цель США состояла в том, чтобы вовлечь Японию в свою глобальную стратегию... Даже после обретения Японией независимости Окинава оставалась под контролем США, американские военные базы усеяли страну. США стремились избежать антиамериканизма и национализма... Проблема северных территорий позволила встроить Японию в глобальную стратегию США и, отводя японский национализм от себя, направить его против Советского Союза.

Эта стратегия была удобна и для японских консервативных правительств... Япония был нужен враг для облегчения усилий по восстановлению страны после поражения в войне, достижения независимости, воссоздания экономики, возвращения в сообщество государств, опираясь при этом на американскую военную мощь в обеспечении безопасности. И когда Японии потребовалось увеличить военную

мощь, приведя её в соответствие со своей экономической мощью, “советская угроза” была избрана в качестве удобного повода осуществить это без риска раскола общественного мнения... Ухудшение отношений с СССР соответствовало японским национальным интересам. Японцы самостоятельно выбрали эту стратегию.

Фактически, после восстановления дипломатических отношений с Москвой, можно сказать, что у Токио не было как таковой внешней политики на советском направлении - только “политика северных территорий”... Проблема северных территорий выполняла роль клапана для стравливания пара в международных отношениях на Дальнем Востоке. С этой точки зрения было важно, чтобы территориальный спор оставался нерешенным. Отсюда жесткая позиция Японии с требованиями немедленного возвращения всех островов и отказ обсуждать предложения о передаче ей части территории”⁸¹.

Продолжая ход рассуждений профессора Хасэгавы, можно утверждать, что применительно к обстановке “холодной войны” проблема “северных территорий” была не столько целью японской дипломатии, сколько средством осуществления антисоветской стратегии США и Японии. В результате российский и японский народы оказались, в известном смысле, заложниками этой стратегии.

Отказ правительства Японии признать этот очевидный факт, сохранение стереотипов “холодной войны” создают серьезную препятствием для нахождения взаимоприемлемых договоренностей об условиях мирного договора, теперь уже между Россией и Японией.

Это проявилось и во время состоявшегося в сентябре нынешнего года официального визита в Японию Президента Российской Федерации В.В. Путина. Как и прежде, “камнем преткновения” на пути к заключению мирного договора стал так называемый “территориальный вопрос”, а именно претензии японского правительства на принадлежащие России Южно-Курильские острова (площадь которых, кстати, составляет около половины всей площади Курильской гряды).

Следует отметить, что Япония имеет территориальные споры не только с Россией, но и с Китайской Народной Республикой и Республикой Корея. Разрешение этих споров по обоюдному согласию сторон отложено на будущее. Сейчас же Япония активно развивает с КНР и Южной Кореей политическое, экономическое и культурное сотрудничество, считая, что наличие территориальных проблем не должно мешать всесторонним связям с государствами-соседями. Хотелось бы надеяться, что такой подход возобладает и в японо-российских отношениях.

43 Kratter G. *Plans and Reality*. Chicago, 1946, p.114.

44 China Handbook (1952 - 1953). Taihei, 1954, p.82-83.

45 История второй мировой войны 1939 - 1945. Т.11, с.213.

46 Переписка Председателя Совета министров СССР... Т.2, с.228.

47 Громыко А.А. Указ. соч. Книга первая, с.211.

48 Truman H. *Memoirs*. Vol.1 *Years of Decision*. New York, 1955, p.415.

49 Lensen G. Op. cit., p.265.

50 См. подробнее: Нихон бункану (Раздел Японии). Изд. “Гаккэн”, 1978, с.27-39.

51 Daniels J. *The Man of Independence: The Life and Times of Harry Truman*. New York, 1951, p.266.

52 Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944 - август 1945. Москва, 1985, с.271-272.

53 Советский Союз на международных конференциях... Берлинская (Потсдамская) конференция. Москва, 1984, с.40.

54 FRUS. *The Conference of Berlin (The Potsdam Conference)*. 1945, Vol. II. Washington, 1960, p.1360.

55 “Новая и новейшая история”, 1994, № 6, с.84-85.

56 История второй мировой войны 1939 - 1945. Т. 11, с.153.

57 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2, Москва, 1974, с.418.

58 Берлинская конференция..., с.205.

59 Там же, с. 209.

60 См. подробнее: Сюсэн сироку. Т. III. Токио, 1977.

61 Тихвинский С.Л. Россия и Япония. Обречены на добрососедство. Москва, 1996, с.25-26.

62 Нихон бункану, с.73-75.

63 Переписка Председателя Совета министров СССР..., с.285.

64 Там же, с.286-287.

65 “Северные территории Японии”. Министерство иностранных дел Японии. 1996, с.6.

66 От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Москва, 1993, с.139.

67 Материалы и документы по истории послевоенной Японии за двадцать лет. 1945 - 1965 гг. Т. 6, Токио, 1967, с.24 (на японском языке).

68 Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. I. Москва, 1978, с.216.

69 “Nippon Times”, 16.02.1950.

70 Цит. по: Тихвинский С.Л. Указ. соч., с.54.

71 “Росия кэнкю”, № 25, 1997, с.104.

72 “Правда”, 7.09.1951 г.

73 От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе, с.144-145.

74 Там же, с.149.

75 “Акахата”, 06.03.1969. Цит. по: К.Е. Черевко. Япония на дальневосточных рубежах России и СССР (XVII - XX вв.). Москва, 1987, с.97.

76 Цит. по: Фува Тэцудзо. Тисима мондай то хэива дзёяку. (Проблема островов Тисима и мирный договор). Изд. “Синнихон сюппанся”. Токио, 1998, с.19.

77 Там же, с.17-19.

78 “Синко”, июнь 1956 г. Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. I, с.230.

79 Международные отношения..., с.226.

80 См. подробнее: Маумото Сюнити. Москува-ни какзу нидзи. Ниссо кокко кайфуку (сн. № 18) хироку. (Радуга над Москвой. Секретные документы о восстановлении японо-советских отношений). Изд. “Асахи симбунса”. Токио, 1966.

81 Хасэгава Цуёси. “Хоппо рёдо” то энси 50 иэн. (“Северные территории” и пятьдесят лет после войны”). Журнал “Тюо корон”, октябрь 1995, с.162-180. См также: “Japan Echo”, Vol. 22, № 4, winter 1995, с. 24-31.